

пирога и способ его приготовления. Он сказал, что по окончании путешествия напишет большую книгу о России, за которую получит много денег. И ещё что главной книгой его жизни станет «Большой кулинарный словарь», над которым он работает уже много лет и в который мой курник обязательно войдёт.

Купец усмехнулся:

— Ну конечно, переписанные чужие рецепты станут главным трудом автора, всю жизнь переписывавшего чужие романы...

— До меня тоже доходили слухи, что за господина Дюма его книги пишет некий Огюст Маке. Скажу честно, я этому не верю. Дюма гостил у меня несколько дней, и я имел честь убедиться в том, насколько это действительно творческий человек. Это касалось даже той же кулинарии, в которой он был велик, как Зевс. Скажем, я люблю гречневую кашу, какую он до приезда в Россию не видел даже. Один раз у меня её попробовав, он тут же подсказал, как можно её приготовить ещё вкуснее. Сам отправился на кухню и сделал её по-своему. До того как бросить гречку в кипяток, господин Дюма изжарил её в луке, грибах и белом вине, отчего блюдо приобрело совершенно неповторимый вкус. Мы теперь готовим гречку только так, по рецепту великого писателя. И это тоже большое

**Николай
Алексеевич
Некрасов
(1821–1877),
портрет кисти
Николая Ге,
1872 год**

**Зинаида
Николаевна
Некрасова
(Фёкла
Анисимовна
Викторова)
(1846–1915)**

удовольствие, какое сложно оценить деньгами.

— Скажите на милость! Однако моё удовольствие деньгами оценить несложно. Полторы тысячи Матвеем Ильичу и шесть тысяч семьсот вам. Что ж, долг — он и есть долг.

Купец вытащил из запашного кармана объёмистый кошелек, отделил небольшую пачку купюр, пересчитал, убрал лишнее обратно и положил на стол перед Матвеем Ильичом. Тот взял деньги, тоже пересчитал их, но медленнее, выкладывая на стол по одной бумажке, и убрал в карман. После чего встал, извинился, пожелал оставшимся здравствовать и вышел из комнаты.

— Вам, Николай Алексеевич, чуть не хватает. Но я напишу расписку или, если пожелаете, выпишу вексель...

— Да что вы, Иван Алексеевич, право, за ростовщика меня держите? Не обижайте, я вам и на слово поверю. Хотя могу предложить и иной вариант расчёта. Возможно, он придётся вам по душе. Видите ли, мне кажется, у вас есть нечто, что для вас не стоит дорого, но за что я готов отдать полагающуюся мне сумму.

Хотя от Вышнего Волочка до Санкт-Петербурга расстояние было и не так велико, менее 400 вёрст, для Фёклы Анисимовны в её 23 года поездка в столицу была вполне сравнима с путешествием на Луну. Здесь, в большом городе, всё было другим. Дома высоченные, все сплошь каменные, улицы широченные, мощённые кирпичом или булыжником. Реки, коих было множество, закованы в гранит, не как родная Тверца, которая текла через Волочёк свободно, как и куда хотела. Проспекты освещались газовыми фонарями так, что ходить по ним было не страшно даже глубоким вечером. Во всём чувствовались такие гордость, величие и важность, какие девушка не видела раньше даже в Твери. Ей до смерти хотелось выйти на проспект и пройтись по нему хоть немного. И возможность такая была, ведь Иван Алексеевич оставил ей и ключ от номера, и кое-какие деньги, и даже платье, купленное Лыткиным специально для поездки в Санкт-Петербург, было вполне достойно прогулки по столице. Но девушка не могла себе даже вообразить, что выйдет на улицу, ей казалось, что все будут тыкать в неё пальцами, узнавая в ней в лучшем случае деревенщину, а в худшем... Нет, такой позор перенести было сложно, поэтому она просто сидела у окна своего третьего